

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY
IN THE EAST**

Issue IV
2020

Editor-in-Chief
Aleksei V. Sarabiev

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции
и редколлегии.

Научное периодическое издание
Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

«Религия и общество на Востоке»
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

Выходит раз в год

Главный редактор

САРАБЬЕВ Алексей Викторович
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич
председатель Комитета по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

КОБЗЕВ Артем Игоревич
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

НАУМКИН Виталий Вячеславович
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ОРЛОВ Владимир Викторович
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

САУТОВ Владимир Нилович
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

ФОМИН Олег Иванович
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

ШУВАЛОВ Константин Викторович
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ, или **О взаимосвязи религиозной политики и религии**

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

Александр ЯКОВЛЕВ

Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков

- 26 -

Алексей САРАБЬЕВ

Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

Григорий КОСАЧ

«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества

- 96 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке

- 127 -

Филип СТЮАРТ

Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии

- 162 -

Нафисе ВА'ЭЗ

**Влияние паломнических поездок на региональную
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В СТРАНАХ ВОСТОКА

Алексей ДРУГОВ

**Мусульманский радикализм и терроризм
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Агентурная записка 1920 года о положении в Турции

(Публикация архивного документа, предисловие
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

CONTENT

TO READERS, or
On the Relationship of Religious Politics and Religion

- 10 -

POLITICS AND THE CHURCH

Alexander YAKOVLEV

**The Crisis in Relations Between the Constantinople
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

Aleksei SARABIEV

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:
120 years ago**

- 67 -

FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

Grigory KOSACH

**Russian “Islamic” Diplomacy:
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

Igor SLEDZEVSKY

**The Struggle for True Faith:
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

Philip STEWART

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society
in Sustainable Democracy**

- 162 -

Nafise VAEZ
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

Alexey DRUGOV
Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey
Publication of an archival document, foreword and comments by
Aleksei SARABIEV

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

от религиозного сознания к религиозной политике

Григорий КОСАЧ

«ИСЛАМСКАЯ» ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-96-126

В статье рассматривается одно из направлений современной российской внешней политики – возникшая в начале XXI столетия линия на установление и развитие отношений с объединяющей в своих рядах страны мусульманского мира Организацией исламского сотрудничества – ОИС (до 2011 г. – Организация Исламская конференция). Обращаясь к причинам этой политической линии Москвы, автор отмечает заинтересованность российского руководства в активизации контактов с арабскими государствами Залива, прежде всего, с Саудовской Аравией. Она определялась, с одной стороны, экономическими соображениями, с другой же – положением в «мусульманских» регионах Российской Федерации (в частности, на Северном Кавказе). Развитие религиозного активизма и ставшие реальностью второй половины 1990-х гг. военные действия на территории Чечни предопределили взгляд Москвы на ОИС как на инструмент смягчения внутреннего «мусульманского» вызова. Установления отношений Москвы с ОИС (созданной и финансируемой Саудовской Аравией) требовало развития отношений с Эр-Риядом. Эволюция этих отношений, характеризуемая автором как «конфликтное взаимодействие», определяла российский курс в отношении ОИС в первые годы нового века. Саудовский фактор (и его оценка Москвой), становился определяющим для российской «исламской» дипломатии и после официального присоединения в 2005 г. России к ОИС в качестве страны-наблюдателя. Колебания

в отношениях с Эр-Риядом определяли, в свою очередь, российские подходы к отношениям с ОИС, варьировавшиеся между фактическим замораживанием связей и обозначившейся позитивной прагматикой в контактах с этой организацией после визита в 2017 г. короля Сальмана бен Абдель Азиза в российскую столицу.

Ключевые слова: Организация исламского сотрудничества, Россия, Саудовская Аравия, российско-саудовское политическое взаимодействие, экономические связи России и стран мусульманского мира, российское мусульманское сообщество, Чеченская республика, Татарстан.

Становление российского государства закрепляло проявившуюся ранее тенденцию расширения числа ближневосточных партнеров Москвы, включая Саудовскую Аравию. Состоявшиеся во второй половине апреля 1992 г. и в ноябре 1994 г. визиты министра иностранных дел Андрея Козырева и главы правительства Виктора Черномырдина в саудовскую столицу это доказывали. Принятая в 1993 г. первая Концепция внешней политики Российской Федерации, подчеркивала, что «угроза терроризма» России и южным постсоветским государствам исходит из стран Западной Азии (Ирана и Афганистана), и выдвигала задачу «выхода на разностороннее, взаимовыгодное сотрудничество» с теми странами Ближнего Востока, которые «прежде оставались за пределами» советской политики. Речь шла об «особом внимании... к «налаживанию сотрудничества с арабскими странами Персидского залива» [Концепция... 2002, 40, 44].

Россия нуждалась в понимании Эр-Рияда в отношении чеченского сепаратизма и исключении внешнего вмешательства в положение на Северном Кавказе. Добившись в итоге поездки Козырева «положительного отношения» к российской позиции, Москва (уступая желанию саудовского партнера содействовать процессу «исламского возрождения» на постсоветском пространстве) заявляла о стремлении создать условия, чтобы «миллионы российских мусульман общались со своими братьями по вере». В российской столице выражали надежду на то, что пример Саудовской Аравии, проводящей «взвешенную внутреннюю и внешнюю

политику», подтолкнет российских приверженцев ислама к «пониманию того, что подлинное процветание [российского] государства возможно только при отказе от экстремизма» и «невмешательстве ислама в политику» [О поездке... 1992, 36–38]. Визит же Черномырдина, продемонстрировавший «политическое доверие» между сторонами, создал условия для экономического взаимодействия, в том числе, на основе «преференций» саудовской стороне на территории российских «мусульманских» регионов [Визит В.С. Черномырдина... 1994, 9–10].

Развивая отношения с Эр-Риядом и выстраивая новую внешнюю и внутреннюю религиозную («мусульманскую») политику, Москва не могла не принимать во внимание созданную и финансово поддерживаемую Саудовской Аравией Организацию исламского сотрудничества (ОИС, до 2011 г. – Организация Исламская конференция, ОИК) – структуру, объединявшую мусульманские страны и заявлявшую о том, что она строится на *цивилизационной* основе, что руководствуется «благородными исламскими ценностями» [Charter... 2018]. В поле зрения российских политиков находилось важное обстоятельство: ОИК располагала значительными образовательными, культурными, информационными и экономическими возможностями. В 1994 г. в Москве впервые побывал генеральный секретарь ОИК Хамид аль-Габид, и основой взаимодействия стала «чеченская проблематика» [Россия и ОИК 2008, 15]: после начала в декабре 1994 г. военных действий в Чечне она стала причиной кризиса как в российско-саудовских отношениях, так и в отношениях с ОИК.

Появление у России «собственного “мусульманского фронта”» [Малашенко 2008, 6] вызвало к жизни ощущение «исламистской угрозы», грозящей ее безопасности и территориальной целостности. Это ощущение усиливали выступления религиозных радикалов в Центральной Азии и действия афганских талибов. Речь шла (как считали многие российские эксперты) о появлении «исламистского полу-месяца», «эмиссары» которого, используя «многочисленные

благотворительные фонды» действовали в российских регионах с большой долей мусульманского населения – на Северном Кавказе, Поволжье и Урале. Их деятельность, как полагали в Москве, политизировала российских мусульман, содействуя появлению религиозно окрашенных структур, стремившихся получить поддержку зарубежных единоверцев и обращавшихся в то время (без сколько-либо значимого успеха) к ОИК [Поляков, Хасянов 2001, 120–135].

Опираясь на информацию Федеральной службы безопасности, российские эксперты сообщали о «личных контактах» между ведущими фигурами Аль-Каиды (Усамой бен Ладеном, в первую очередь) и «непорядочными “деятелями от ислама”» – главами некоторых региональных муфтиятов, содействующих отправке российских мусульман в зарубежные учебные заведения и создающих «канал проникновения в Россию чуждых для нее форм ислама» [Поляков 2002, 58–60]. Вина за складывавшееся положение безоговорочно возлагалась на Саудовскую Аравию (и государства Залива). При этом определение «непорядочные “деятели от ислама”» – эвфемизм, за которым скрывалась дифференциация в рядах российского мусульманского сообщества.

В России возникали новые региональные муфтияты, вышедшие из подчинения уфимского Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) и начинавшие проводить самостоятельный курс, который открывал путь к усвоению мусульманскими гражданами России положений неханафитских правовых школ [Косач, 2000, 59–85]. Хотя в дальнейшем эти муфтияты и вошли в состав московского Совета муфтиев России (СМР), это не означало, что их руководители не сохранили высокую степень автономности. Возникло новое поколение религиозных деятелей, вступивших в борьбу с теми, кого они обвиняли в «раболепии перед властью» и называли «наследниками коммунистического прошлого». Ориентируясь на ЦДУМ, власть видела в этих деятелях «сторонников ваххабизма».

**Россия и ОИС:
установление прямых контактов**

Приход Владимира Путина на вершину исполнительной власти по итогам мартовских выборов 2000 г. менял сложившееся положение: после 2001 г. в Москве вновь склонялись к мысли о том, что решение внутрироссийских проблем и преодоление внешних вызовов должно опираться, в том числе, на расширение контактов с ОИК. Возобновление внешней «мусульманской» политики (задачи которой не могли быть решены без обеспечения лояльности «внутреннего» исламского сообщества) выглядело как инструмент укрепления российского влияния в пределах Юга постсоветского пространства (к тому времени государства Центральной Азии и Азербайджан уже вступили в ОИК) и как доказательство возвращения в регион «дальнего зарубежья»¹.

Принятая в июле 2000 г. новая Концепция внешней политики РФ, оправдывая вновь возникавший внешнеполитический приоритет, подчеркивала, что существующие на пространстве афро-азиатского мира «интеграционные объединения» приобретают «все большее значение в мировой экономике», становясь фактором противодействия «этнонациональному и религиозному экстремизму» и «международному терроризму». Заявляя о «непосредственной связи» российских интересов с этим направлением «мирового развития» (и противопоставляя его попыткам создания «однополярной структуры» американского доминирования), Концепция декларировала стремление «добиваться формирования многополярной системы международных отношений». В российской столице заявляли о Ближнем Востоке (выделяя «зону Персидского залива»), как о регионе, где решалась

¹ В интервью телеканалу «Аль-Джазира» 16 октября 2003 г. российский президент говорил: «Еще во времена Советского Союза у нашей страны, а позднее у России, складывались очень теплые, дружественные, долгосрочные отношения с подавляющим большинством мусульманских стран мира. Мы были основными союзниками большого количества мусульманских и арабских стран. Я уверен, что и мусульманский мир, и Россия заинтересованы в восстановлении этих отношений. И не просто в восстановлении, но и развитии новой ситуации в мире» [Россия и ОИК... 2008, 40].

«приоритетная задача» – «восстановление и укрепление позиций» Москвы [Концепция... 2000].

Стремясь к установлению контактов с ОИК, Россия учитывала позицию Эр-Рияда по чеченскому вопросу. Эта позиция, на фоне периодических мощных антироссийских кампаний в прессе, сборов средств частными фондами на нужды *ичкерийских моджахедов*, а также участия саудовских граждан в боевых действиях на территории Чечни, заключалась в отказе признать «независимую Ичкеррию» или допускать ее вступление в ОИК. Это не означало, что чеченская тема отсутствовала в повестке дня организации. Начиная с VII встречи в верхах (декабрь 1994 г.), когда вопрос о положении в Чечне был поставлен по инициативе Саудовской Аравии и Азербайджана, эта тема фиксировалась документами последующих саммитов (вплоть до завершения конфликта) либо конференций министров иностранных дел [Ражбадинов 2003, 8–14]. Официальная саудовская позиция, как и позиция ОИК, отталкивались от необходимости поиска обеими противоборствующими сторонами путей к мирному решению конфликта: сразу же после завершения VII саммита Хамид аль-Габид призвал к этому Бориса Ельцина и Джохара Дудаева. Эта позиция не менялась и впоследствии, тем более что в начале 2000-х гг. Саудовская Аравия оказалась перед необходимостью противостояния антисистемной оппозиции, апеллировавшей к религиозной догме.

В середине января 2000 г. Москву посетила делегация «старших должностных лиц» ОИК. Итогом ее визита стало заявление о «неизменности позиции» организации по вопросу «сохранения территориальной целостности Российской Федерации» и «осуждение терроризма» [Россия – ОИК... 2000, 4]. В конце января 2003 г. по приглашению российского МИДа в столицу прибыл генсек ОИК Абдель Вахид Бельказиз. Сообщая об итогах состоявшихся переговоров, глава нашего внешнеполитического ведомства Игорь Иванов отметил «понимание гостя» в отношении «усилий российского руководства в интересах стабилизации обстановки» в Чечне, подчеркнув значение содействия ОИК восстановлению там

«объектов экономики, здравоохранения, образования». Тогда же в аппарате российского МИДа появился пост заместителя министра «по связям с международными исламскими организациями»¹, и на него был назначен профессиональный дипломат Вениамин Попов.

В начале марта того же года саудовскую столицу в качестве специального представителя Путина посетил тогдашний министр по национальной политике Рамазан Абдулатипов. Официальный документ, сообщавший о задачах его миссии, подчеркивал, что одной из них было изложение российской точки зрения в отношении Чечни, которая состояла в том, что там «восстанавливается конституционная законность и правопорядок». Эта миссия увенчалась успехом: Абдулатипов получил подтверждение, что саудовская сторона «уважает территориальную целостность России и принцип невмешательства в ее внутренние дела». В Эр-Рияде заявили и о том, что саудовское государство, оказывая «гуманитарную помощь населению северокавказского региона», будет «координировать усилия» с российскими органами власти [Посещение Р.Г. Абдулатиповым... 2000, 6].

В начале сентября 2003 г. в российскую столицу прибыл будущий саудовский король Абдалла бен Абдель Азиз. Принимая наследного принца (и фактического правителя государства), российское руководство стремилось окончательно решить вопрос стабилизации Северного Кавказа и исключить (в рамках инициированного Путиным «восстановления вертикали власти» и ограничения полномочий этнических автономий) воздействие вызова религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию. Программа пребывания Абдаллы бен Абдель Азиза включала встречи с руководителями ЦДУМ, СМР и патриархом Русской православной

¹ Стенограмма выступления министра иностранных дел И.С. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с генеральным секретарем Организации Исламская Конференция Абдель Вахидом Бельказизом // МИД РФ, 28 января 2003. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/dd e54dd22f01755c43256a65004daaee/af8ebe3a95e9ed3843256dd500405aba!OpenDocument>

церкви (РПЦ), доказывая реальность «мирного сосуществования ислама и православия» и определяемую этим сосуществованием «уникальность российской цивилизации». Итогом визита стало заявление наследного принца о том, что «чеченский вопрос – внутреннее дело России», урегулирование которого «должно осуществляться мирным путем, через конституционные процедуры в рамках Российской Федерации»¹.

Не менее существенным аспектом визита стала саудовская поддержка идеи присоединения России к ОИК. Принятое по итогам визита Совместное российско-саудовское заявление подчеркивало: «Саудовская сторона выразила уважение и понимание инициативы Российской Федерации расширить сотрудничество» с ОИК. Это положение цитируемого документа следовало непосредственно за тем его разделом, где подчеркивалась важность «коллективных усилий» в качестве «эффективного средства противодействия и искоренения терроризма»². Позже, посещая в феврале 2007 г. Эр-Рияд, Путин заявил о том, что реализация инициативы присоединения к ОИК была бы невозможна без «содействия короля Абдаллы бен Абдель Азиза»³.

В апреле 2003 г., находясь с официальным визитом в Душанбе и встречаясь с верховным муфтием Таджикистана, российский президент не только повторил мысль об «уникальности» России, развивающейся как «многоконфессиональное государство», где «между православными и мусульманами, сложились хорошие отношения», но и подверг незначительной коррекции идею «государствообразующей» роли православия. По словам Путина, «в России проживают миллионы мусульман, считающих ее своей родиной», что «позволяет называть» ее «в известной степени

¹ Принц Абдалла: Чеченский вопрос – внутреннее дело России // *Известия*, 4 сентября 2003. URL: <http://izvestia.ru/news/280837>.

² Совместное российско-саудовское заявление. 2 сентября 2003. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1712.

³ Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии. Эр-Рияд, 12 февраля 2007. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/24037>.

частью мусульманского мира»¹. Наконец, в августе 2003 г. Путин аргументировал в пользу сотрудничества с ОИК тем, что «почти 20 млн мусульман, живущих в России, имеют полное право чувствовать себя частью мусульманского мира», заявив, что присоединение к этой организации нашей страны осуществится лишь на первом этапе «в качестве наблюдателя»².

Подготовленная инициатива нуждалась в провозглашении: в октябре 2003 г. (в сопровождении делегации, составленной из федеральных чиновников мусульманского происхождения и глав некоторых «мусульманских» регионов, прежде всего, лидера «стабилизированной» Чечни Ахмата Кадырова) Путин прибыл в малайзийскую Путраджаю, где проходил X саммит ОИК. Выступая перед его участниками, российский президент не только отверг «отождествление» терроризма «с какой-либо религией», неоднократно повторив мысль о недопустимости «исламофобии», но и объявил о необходимости участия России в деятельности организации в силу ее «переплетенности с исламским миром»³. В конце июня 2005 г. на проходившей в Сане XXXII конференции министров иностранных дел Россия примкнула к ОИК в качестве страны-наблюдателя. В середине июня следующего года она уже участвовала в проходившей в Баку XXXIII конференции министров иностранных дел стран ОИК в этом статусе.

В Москве считали, что, исключение «внешнего вмешательства» на Северном Кавказе, окончательно «закрыло» чеченский вопрос. При этом российские официальные лица трансформировали идею «уникальности» российского

¹ Владимир Путин встретился с муфтием мусульман Таджикистана Амонуллой Нематзаде. 27 апреля 2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/28551>.

² Состоялась встреча Владимира Путина с послом России по связям с ОИК и другими международными исламскими организациями Вениамином Поповым. 14 августа 2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/29197>.

³ Выступление на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская Конференция. Путраджая (Малайзия), 16 октября 2003. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/10/54103.shtml>.

государства в общую для России и ОИК задачу сохранения «многогранного единства» мировой цивилизации. Принимая участие в состоявшейся в Стамбуле в июне 2004 г. XXXI сессии совета министров иностранных дел ОИК, глава внешнеполитического ведомства Сергей Лавров, указав на «взаимную тягу» России и ОИК, подчеркивал, что они «могут очень много сделать, чтобы не допустить раскола [мира] по цивилизационному, религиозному признаку»¹. Путин, прибывший 11 февраля 2007 г. с официальным визитом в Саудовскую Аравию, шел дальше. Говоря в Эр-Рияде об «уникальности» российского опыта «взаимообогащения культур и традиций» (что коррелировало с инициативой «диалога религий и цивилизаций» короля Абдаллы бен Абдель Азиза), он заявлял, что «диалог цивилизаций» – путь к «созданию более справедливой системы международного устройства». Этот курс Россия, по его словам, «намерена проводить» на «обширном пространстве мусульманского мира»².

Присоединение к ОИС: внутрироссийский контекст

Высказанная российским президентом осенью 2003 г. аргументация необходимости присоединения к ОИК решала и более приземленную задачу основание: привлечь на сторону возглавляемого им истеблишмента значимый сегмент российского населения (а в марте 2004 г. в России должны были состояться очередные президентские выборы). При этом исключались инициативы мусульманских структур по установлению внешних контактов, и одновременно российскому общественному мнению доказывалось значение этой второй по численности в России конфессиональной общины.

¹ Стенограмма интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова российским СМИ по итогам участия в конференции министров иностранных дел стран-членов ОИК в Стамбуле. 16 июня 2004. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/467906.

² Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии. Эр-Рияд, 12 февраля 2007. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/24037>.

Действия российского президента были безоговорочно поддержаны обоими официальными муфтиятами, видевыми в контактах с ОИК инструмент повышения роли мусульманского сообщества в российской политике и общественной жизни. По словам главы СМР Равиля Гайнутдина, вступление России в ОИК позволяло российским мусульманам «расширить существующие духовные связи», став «реальным шагом для развития одной из традиционных религий страны – ислама»¹. Мнение верховного муфтия ЦДУМ Талгата Таджутдина было не менее красноречиво: «Вступление России в ОИК станет историческим шагом на пути утверждения нашей страны в качестве ведущей мировой державы в современном мире»². Оба муфтията были готовы проводить в жизнь курс президента, став дополнительным каналом российской дипломатии в исламском мире.

Инициатива Путина была поддержана РПЦ. Точка зрения Московского патриархата была высказана секретарем по взаимоотношениям Церкви и общества Отдела внешних церковных связей Михаилом Дудко: «Мы считаем возможным, чтобы Россия принимала участие в деятельности международных исламских организаций, в том числе Исламской конференции». Далее он добавлял: «Наша страна является не только православной, в ней присутствует значительная доля мусульманского населения». Тем не менее, поддержка РПЦ содержала оговорки. Дудко не скрывал, что «очень значительная часть населения считает Россию моноконфессиональной страной», где проживает «только 5–10%» тех, кто «считает себя мусульманами», «подавляющее же большинство называют себя православными»³.

Накануне своей поездки в Путраджаю, в середине октября 2003 г. российский президент встречался с патриархом

¹ Мирзоев Э. Исламская увертюра Путина // *Вестник Online*, № 18(329), 3 сентября 2003. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2003/0903/win/mirzoev.htm>.

² ЦДУМ Талгата Таджутдина одобряет предложение президента о вступлении России в Организацию Исламская Конференция // *Кредо*, 5 августа 2003. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=12375>.

³ РПЦ – за сотрудничество России с международными исламскими организациями // *Вестник*, 7 августа 2003. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=31258>.

Алексием II и благодарил за «поддержку инициативы об углублении отношений» с ОИК. Он считал необходимым заявить, что позиция Церкви – свидетельство «хорошей российской традиции» взаимоподдержки «традиционных конфессий», «благотворно» сказывающейся на царящем в России «межконфессиональном мире». Президент, представлявший себя православным верующим, гарантировал Алексею II безусловную поддержку государства в «обеспечении интересов» РПЦ за пределами России¹. Это, однако, не помешало российским «почвенникам» выступить против присоединения к ОИК, утверждая, что несущая конструкция России – «православный русский народ».

Присоединение к ОИК приветствовали в российских «мусульманских» регионах, руководство которых целенаправленно привлекалось к участию в установлении и развитии отношений с ОИК и Эр-Риядом. Ахмат Кадыров не только сопровождал Путина в Пуตราджаю, но и участвовал в переговорах в Москве с Абдаллой бен Абдель Азизом. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев был включен в делегацию, сопровождавшую российского президента в ходе его официального визита в Саудовскую Аравию в феврале 2007 г. Возникла принципиально новая ситуация, – «мусульманские» регионы становились игроками на поле внешней «мусульманской» политики.

Еще в 2004 г. в российской Государственной думе возникло представленное «депутатами-патриотами» межфракционное объединение «Россия и исламский мир: стратегический диалог». Его цели были сформулированы Шамилем Султановым – «законодательное обеспечение развития отношений» России с мусульманскими странами и ОИК; «разработка и выдвижение инициатив, направленных на участие в интеграционных процессах исламского мира, развитие сотрудничества с мусульманскими государствами в решении экономических проблем, вопросов международной

¹ Встреча Президента России с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II 15 октября 2003. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22159>.

безопасности»; «создание условий для обеспечения конструктивного диалога между политическими и экономическими элитами России и исламского мира»¹. Комментируя осуществленное им начинание, Султанов говорил, что «главная проблема и для исламского мира, и для России – проблема выживания», когда против них «идет тотальное наступление», направленное на «формирование нового мирового порядка». На его взгляд, укрепляя «мировую умму», российские мусульмане будут «укреплять Россию», а «мир ислама заинтересован в сильной России»².

Выражая точку зрения российских «патриотов», «независимое народное» издание – газета «Советская Россия» (определявшая себя как «активно сотрудничающую с левопатриотической оппозицией, депутатами-коммунистами и патриотами всех уровней законодательной власти») требовала немедленно «наладить дружеские контакты ... страны с многочисленным и динамично развивающимся исламским миром», «не обращая внимания на истошные вопли сионистского лобби о “зеленой исламской чуме”»³. Один из ярких представителей лагеря «патриотов», «евразиец» генерал-полковник запаса и «президент Академии геополитических наук» Леонид Ивашов, комментируя в саудовской прессе визит Абдаллы бен Абдель Азиза в Москву и стремление России присоединиться к ОИК, замечал, что «монопольное региональное влияние Америки» – источник «опасных катастроф» для Ближнего Востока и для России. В этой связи он считал необходимым «предпринять все усилия», чтобы «определить направление движения каравана сотрудничества между Москвой и Эр-Риядом» [Косач 2016, 45]. Усилившее свою властную вертикаль российское государство уже могло игнорировать заявления «либералов», говоривших об «авторитарности» режимов стран ОИС.

¹ Россия и исламский мир: стратегический диалог // *Завтра*, 5 мая 2004. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2004-05-0552>.

² Султанов Шамиль: «Мир ислама заинтересован в сильной России», 17 апреля 2006. URL: <https://www.islamnews.ru/news-5632.html>.

³ Белохвостов В. Москва идет на Восток // *Советская Россия*, № 97 (12441), 4 сентября 2003. URL: http://www.sovross.ru/old/2003/098/098_7_1.htm.

Сторонником развития отношений с исламским миром выступало и «национально ориентированное» предпринимательство в лице возглавлявшейся академиком Евгением Примаковым Торгово-промышленной палаты (ТПП). В ходе визита Абдаллы бен Абдель Азиза в Москву был подписан Меморандум о сотрудничестве между этой структурой и Советом торгово-промышленных палат Саудовской Аравии. Существенно и другое обстоятельство: еще в середине 1990-х гг. Примаков активно выступал за «приобщение России к ОИК» [Малашенко 2008, 9]. Представляя себя противником «засилья инациональных олигархов» в российском бизнес-сообществе, ТПП видела в присоединении к ОИК возможность расширить взаимодействие с исламским миром. Представленность в организационной структуре ТПП «деловых советов» большинства стран мусульманского мира стало итогом присоединения к ОИК.

В марте 2006 г. в Москве по инициативе Примакова и Шаймиева была создана Группа «Стратегическое видение: Россия – исламский мир» при участии представителей мусульманских государств, СМР и РПЦ. Определяя ее задачи, в российском внешнеполитическом ведомстве подчеркивали, что речь идет о «диалоговой площадке», где будут разрабатываться «идеи стратегической глубины». Основными темами обсуждения участников ее заседаний провозглашалось «противостояние террористам и радикалам», как и решение «вопросов гуманитарного сближения»¹. В послании участникам первого заседания Группы президент Путин отмечал, что «расширение многоплановых связей с исламским миром – один из важнейших приоритетов российской внешней политики»². А в обращении генсека ОИК Экмеледина Ихсаноглу говорилось о «близости позиций» обеих сторон «по многим вопросам международных отношений»,

¹ В МИД РФ озвучили ключевые задачи группы «Россия – исламский мир» // Регнум, 5 июня 2015. URL: <https://regnum.ru/news/1930995.html>.

² Международное сотрудничество: Россия – исламский мир, 27 марта 2006. URL: <https://wtcmoscow.ru/news/pervaya-vstrecha-gruppy-strategicheskoe-videnie-rossiya-islamskiy-mir->.

включая «противодействие попыткам втягивания мирового сообщества в противостояния между различными цивилизациями и культурами» [Малашенко 2008, 11].

Второе заседание Группы состоялось в том же году в Казани. Татарстан становился витриной исламско-православного сосуществования и российского ислама¹. Эта республика, как заявлял Шаймиев, должна рассматриваться как «самый северный форпост исламского мира», что означало, что российское исламское сообщество «нельзя отделить от общемирового»². В следующем, 2007 году Россия вступила в качестве наблюдателя в действующую под эгидой ОИК Исламскую организацию образования, науки и культуры (ISESCO).

В июне 2008 г. в Казани состоялась Международная инвестиционная конференция, организованная входящим в ОИК Исламским банком развития. В том же году в Казани был проведен Молодежный форум ОИК «За диалог и сотрудничество». С 2007 г. в Казани под патронажем российского Совета Федерации и главы Татарстана стал проводиться «Kazan Summit» – экономический форум России и стран ОИК³.

Идея российско-исламских отношений была закреплена в принятой в июле 2008 г. (к тому времени российским президентом стал Дмитрий Медведев) Концепции внешней политики РФ. Вновь выделяя значение интеграционных

¹ Как писал В. Попов: «Событий, подтверждающих доброе взаимодействие в России представителей христианства и ислама, и на протяжении истории, и в современной жизни предостаточно. Пожалуй, наиболее ярким примером является Татарстан, который является олицетворением православно-мусульманского единства. В казанском Кремле расположены и резиденция президента республики, и православный собор, и недавно построенная мусульманская мечеть». См.: Попов В. К пятилетию Организации Исламская конференция. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/23-24/venPopov.htm.

² Президент Татарстана М. Шаймиев: Россия стала прогнозируемым партнером исламского мира, 1 ноября 2008. URL: <http://shaimiev.tatarstan.ru/pub/view/4681>.

³ Сулейменов Р.Р. Культурные связи Республики Татарстан и Саудовской Аравии // ИИИИБВ, 14 июня 2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5865>.

объединений в афро-азиатском регионе, документ подчеркивал, что Россия «как многонациональное и многоконфессиональное государство» будет способствовать «диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями» в «контексте сотрудничества» с ОИК. Это же объединение должно было стать и каналом «расширения» российского «взаимодействия с государствами мусульманского мира» и углубления контактов с «ведущими региональными державами», среди которых была впервые названа Саудовская Аравия [Концепция... 2008]. Постоянным представителем России в ранге посла при штаб-квартире ОИК в Джидде был назначен бывший мэр Казани (в дальнейшем полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе) Камиль Исхаков¹.

***Россия и ОИС:
после «арабской весны»***

Развивая контакты с ОИК, Москва не считала это функцией «внутренних» мусульманских институтов. В исламском образовании за пределами России и паломничестве на территорию КСА продолжали усматривать канал проникновения экстремистских взглядов. Встречаясь в августе 2009 г. с «муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа», президент Медведев недвусмысленно указывал на важность «внутрироссийского» исламского образования и «предпочтительность» развития «просветительских проектов» с учебными заведениями Сирии, Египта и Ливии. В свою очередь, по его словам, «контакты с Королевством Саудовская Аравия» должны были ограничиться лишь «вопросами хаджа» при условии их обязательного согласования с «федеральными и региональными властями»².

¹ Экс-мэр Казани стал представителем России в ОИК, 17 июля 2008. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2008/07/17/124086>.

² Вступительное слово на встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа, 28 августа 2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5296/audios>.

«Арабская весна» (достаточно быстро квалифицированная в России как «смутное время») радикально меняла официальную и общественную риторику в отношении Саудовской Аравии и Организацией исламского сотрудничества (28 июня 2011 г. ОИК была переименована). Видя в событиях 2011–2012 гг. очередной эпизод спланированных Западом и осуществленных монархиями Персидского залива «цветных революций», нанесших удар по российским интересам, Медведев заявлял: «“Арабская весна” закончится холодной “арабской осенью”» потому, что «к власти рвутся радикалы»¹. Вновь ставший в мае 2012 г. президентом Владимир Путин квалифицировал ближневосточную ситуацию в терминах «регресс», «варварство», «большая кровь»². Российское же экспертное сообщество говорило о «ваххабитском тандеме» (Саудовской Аравии и Катаре), «связанном тесными нитями с исламистскими партиями и движениями» и стремящемся осуществить «переформатирование Ближнего Востока» [Малышева 2012, 24–25].

Решение о приостановке членства официального Дамаска в рядах этой организации, принятое по инициативе Эр-Рияда в середине августа 2012 г. чрезвычайным саммитом ОИС в Мекке, создало дополнительный момент напряженности в ее отношениях с Россией. Заявив еще накануне этого события, что Москва «не признает введенные в одностороннем порядке рядом государств и межгосударственных объединений антисирийские санкции», российское внешнеполитическое ведомство квалифицировало эти шаги «как серьезное препятствие на пути окончательного искоренения террористической угрозы в Сирии»³. Решение ОИС было осуждено представителями обоих муфтиятов, выразивших свою солидарность с «точкой зрения политического

¹ Интервью российским телеканалам, 26 апреля 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15149>.

² Послание президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>.

³ Заявление МИД России, 5 июля 2012. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/3288522.

руководства страны»¹. Доказывая «взаимоподдержку традиционных конфессий» и утверждая, что Сирия – «место многолетнего мирного и плодотворного взаимодействия ислама с христианством», РПЦ заняла такую же позицию².

В 2012 г. работа Группы «Стратегическое видение: Россия – исламский мир» была заморожена. В сентябре 2011 г. президент Медведев освободил Исхакова от обязанностей постоянного представителя России при ОИС, возложив эти обязанности на посла в Эр-Рияде³. В свою очередь, представительство ОИС в Москве так и не появилось. Стагнация российско-саудовского взаимодействия после 2011 г. вызывалась позициями обеих сторон. У саудовского руководство вызывали неприятие некоторые определяющие элементы российского внешнеполитического курса – как противоречащие его интересам либо неэффективные. К таким элементам Эр-Рияд относил углубление связей с «стратегическим противником» КСА Ираном (что относилось и к положению в Сирии), отсутствие активных действий в сфере урегулирования израильско-палестинского противостояния, стремление использовать периодически возникавшие саудовско-американские противоречия в своих интересах. В России, со своей стороны, хотя принятая в феврале 2013 г. очередная Концепция внешней политики и упоминала ОИС в связи с задачей «расширения взаимодействия с государствами исламского мира», но в ряду этих государств отсутствовала Саудовская Аравия, а приоритетом провозглашалась «сбалансированная линия» на «урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы» [Концепция... 2013].

¹ Конфликт в Сирии создают третьи силы, считает исламское духовенство РФ // *РИА-Новости*, 16 августа 2012. URL: <https://ria.ru/20120816/725096464.html>.

² Исключение Сирии из ОИС не вычеркнет ее из цивилизованного мира – РПЦ // *РИА-Новости*, 16 августа 2012. URL: <https://ria.ru/20120816/724787271.html>.

³ Камиль Исхаков освобожден от обязанностей постпреда РФ при ОИК // *Бизнес-Online*, 7 сентября 2011. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/46122>.

Тем не менее, в начале октября 2013 г. российский министр иностранных дел Лавров и генеральный секретарь ОИС Ихсаноглу подписали Рамочное соглашение о сотрудничестве в качестве «прочной юридической базы» для укрепления связей между обеими сторонами¹. Совершая в июне 2014 г. поездку в Джидду, С.В. Лавров посетил штаб-квартиру ОИС и встретился с ее новым генсеком саудовцем Иядом Мадани, отметив, что ОИС и Россию связывают «общие интересы по продвижению мира ... и диалога между цивилизациями и религиями»². В сентябре 2014 г. на полях 69-й сессии Генассамблеи ООН Лавров вновь встретился с Мадани, обсудив с ним повестку дня предстоящих «двусторонних политических консультаций»³.

Происходившая в 2014 г. активизация отношений Москвы и ОИС имела серьезную причину. ОИС не заняла позиции осуждения включения Крыма в состав России (а затем и событий на востоке Украины), считая возможным обратиться лишь к вопросу о положении крымско-татарского меньшинства. Так, выступая на июньском совещании министров иностранных дел 2014 г. в Джидде Мадани, отмечал: «Организация следит за развитием ситуации в Крыму и надеется, что оно не повлечет за собой ущерба политическим, культурным и религиозным правам мусульман-татар», как «и не приведет к воскрешению печального опыта прошлых гонений и насильственной депортации». При этом «крымско-татарский вопрос» был предлогом для постановки более важной проблемы: «российская поддержка прав русских в Крыму должна заставить Москву пересмотреть

¹ Выступление и ответы Министра иностранных дел С.В. Лаврова по итогам подписания Рамочного соглашения о сотрудничестве между МИД России и Генеральным секретариатом ОИС. Москва, 1 октября 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/78E13F7BB94E560244257BF70043DCAB.

² О встрече Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества И. Мадани. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/3FBD0CB07498416844257CFE005C22DA.

³ OIC Secretary General Meets UN Secretary General and Russian Foreign Minister, New York, September 28, 2014. URL: http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_ref=3743&lan=en.

позицию в отношении независимости Косова», что позволило бы ему стать членом ОИС¹. Однако российская позиция осталась неизменной, как и позиция ОИС, продолжавшей включать в свои документы требования, касающиеся крымско-татарского меньшинства. Как, в частности, отмечалось в Заключительном заявлении XIV саммита в Мекке в конце мая 2019 г., ОИС считала необходимым подтвердить «гарантии справедливого урегулирования положения крымских татар, их благополучия, безопасности, а также возможности реального осуществления религиозных, культурных и образовательных прав, как и права на собственность»².

Активизация отношений с ОИС имела, тем не менее, пределы: настороженность российского истеблишмента в отношении этой организации не исчезала. Встречаясь в октябре 2013 г. в Уфе с главами официальных муфтиятов, Путин возвращался к вопросу о «радикальных течениях», «не характерных для российских мусульман». Сторонники этих течений, замечал он, действуют в интересах «ослабления» государства и создания «на российской территории зон управляемых извне конфликтов». Президент считал необходимым заявить, что ответом «внутреннего» исламского сообщества на эти действия должны стать его «партнерские отношения с Русской православной церковью». За пределами же страны, продолжал он, «голос российских мусульманских деятелей должен громче звучать» в «мировом исламском сообществе». Перейти из состояния ведомого внешним мусульманским миром в положение ведущего этот мир, как считал Путин, можно было при условии «воссоздания российской суверенной богословской школы»³.

¹ Statement of H.E. Iyad Ameen Madani Secretary General of the Organization of Islamic Cooperation at the 41st Session of The Islamic Conference of Foreign Ministers Session of Exploring Areas of Islamic Cooperation, Jeddah, 18 June 2014. URL: https://www.oic-oci.org/topic/?t_id=9147&ref=3666&lan=en.

² Final Communiqué of the 14th Islamic Summit Conference. Mecca, 31 May 2019. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=4496&refID=1251>.

³ Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22 октября 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19474>.

В конце сентября 2015 г. после начала военной операции в Сирии позиция Москвы в отношении Эр-Рияда и ОИС вновь подверглась изменениям. Если в международном масштабе речь шла о введенных санкциях, то на ближневосточном уровне – о конфликтном взаимодействии с ведущими игроками на поле региональной политики. Москва должна была встроиться в систему существующих отношений, балансируя между региональными державами и поддерживая с ними диалог, далеко не всегда основанный на совпадении позиций. Саудовская Аравия была одной из региональных держав, поддерживавшей сирийскую оппозицию, которая противостояла режиму Башшара Асада и его союзнику Ирану.

Военная операция в Сирии получила поддержку РПЦ, СМР и ЦДУМ, хотя позиции каждого из муфтиятов отличались: ЦДУМ «решительно поддержал» Путина и призвал верующих «встать в единый ряд борьбы против террористической чумы»¹, СМР же призвал их «не политизировать сложный вопрос противодействия террористическим угрозам»². Во многом по причине этой поддержки их деятельность в качестве каналов сотрудничества с «внешним» исламом в значительной степени сужалась. Во вновь сложившейся ситуации российское руководство целенаправленно проводило мысль о том, что основной задачей мусульманского сообщества должно стать «пресечение попыток навязать [ему] чуждые мировоззренческие установки». Путин вновь возвращался к идее российской «суверенной школы» исламской теологии, воссозданию которой едва ли не исключительно будет «помогать государство», которое возьмет на себя и создание «своей системы религиозного образования»³.

¹ Заявление ЦДУМ России, 30 сентября 2015. URL: <http://cdum.ru/news/44/6264>.

² Обращение муфтия Равиля Гайнутдина в связи с присоединением российских ВКС к международным силам, ведущим борьбу с террористическими организациями на территории Сирии, 1 октября 2015. URL: <http://dumrf.ru/uravlenie/documents/9777>.

³ Московская Соборная мечеть открыта после реконструкции, 23 сентября 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351>.

Москва, вместе с тем, не шла на отказ от использования ОИС в качестве канала урегулирования отношений с Эр-Риядом. Напротив, с этой целью создавался мусульманский образ России. По словам российского посла в Саудовской Аравии, присутствие в составе российского населения «от 15 до 20 млн мусульман» превращает Россию «в почти мусульманское государство, когда самая большая в Европе мечеть находится в России, а не в Париже или Лондоне»¹. А глава внешнеполитического ведомства С.В. Лавров в своем выступлении в июне 2015 г. по итогам визита в Россию Мадани, включавшего и участие в работе «Kazan Summit» (в составе сопровождавшей его делегации ОИС были и представители Исламского банка развития), заявлял, что темами его переговоров с генеральным секретарем ОИС были «вопросы, которые сейчас “встают во весь рост” на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Из слов министра вытекало, что Россия и ОИС считают необходимым «стимулировать общенациональный диалог» в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии. Обе стороны были согласны в отношении создания «подлинно интернациональной системы» взаимодействия в противостоянии террористической угрозе². Это были и точки соприкосновения российской и саудовской позиций.

В том же месяце (июнь 2015 г.) заместитель наследника престола принц Мухаммад бен Сальман принял участие в работе Санкт-Петербургского экономического форума и был принят российским президентом – наступал этап «потепления» российско-саудовских отношений. В Москве считали необходимым укрепить это «потепление»: программа пребывания принца включала встречи с главой СМР Гайнутдином, президентом Татарстана Рустамом Миннихановым и главой Чеченской республики Рамзаном Кадыровым.

¹ *Al-Hayat*, Oct. 8, 2015. URL: <http://www.alhayat.com/article/697914> [In Arabic].

² Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества И. Мадани, 11 июня 2015. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJWVmR/content/id/1441237.

Если встреча с Гайнутдином касалась вопросов религиозной жизни российских мусульман¹, то в ходе встреч с главами двух «мусульманских» регионов речь шла об экономических связях (в первую очередь, саудовской инвестиционной деятельности) обеих автономий с саудовской стороной². Пресс-служба Кадырова сообщала о том, что Эр-Рияд готов «направить в Чеченскую Республику специалистов для определения проектов, в которых может принять участие саудовский бизнес»³.

Новому контексту российско-саудовских отношений отвечали положения принятой в ноябре 2016 г. очередной Концепции внешней политики, провозглашавшей «приоритетной задачей» российской политики «предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями» ради «гармоничного развития человечества». Ответственность за появление таких «разломов», как и вытекающий из них феномен терроризма, возлагалась на «навязываемые извне идеологические ценности». Взаимодействие и партнерство Москвы с ОИС провозглашалось одним из путей к искоренению этого феномена [Концепция... 2016].

Россия и ОИС: текущая реальность

«Потепление» в сфере российско-саудовских отношений, высшей точкой которых стал состоявшийся в начале октября 2017 г. официальный визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Москву, меняло характер связей России и ОИС. В декабре 2018 г. указом российского президента постпредом при ОИС был назначен Рамазан Абдулатипов, экс-глава Дагестана и бывший представитель президен-

¹ Встреча с наследным принцем Саудовской Аравии, 18 июня 2015. URL: <https://www.muslim.ru/articles/287/13424>.

² Рустам Минниханов встретился с министром обороны Саудовской Аравии Мухаммадом бен Сальманом, 18 июня 2015. URL: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/444467.htm>.

³ Глава Чеченской Республики встретился с министром обороны Саудовской Аравии, 20 июня 2015. URL: <https://chechnyatoday.com/news/285741>.

та по делам стран Каспийского региона¹. Дипломатическое представительство России при штаб-квартире ОИС в Джидде было восстановлено.

Выражением происходивших изменений стала регенерация деятельности группы «Россия – исламский мир». Хотя возобновление ее деятельности было анонсировано в 2014 г., когда Путин назначил ее председателем Минниханова, очередное пленарное заседание Группы с участием глав трех «мусульманских» регионов – Кадырова, Минниханова и Абдулатипова состоялось только в мае 2017 г. в Грозном. В приветственной телеграмме, направленной ее участникам, российский президент, ссылаясь на ситуацию в Сирии, подчеркивал, что Россия готова «наращивать сотрудничество» с ОИС «в противостоянии силам террора, а также в поиске путей мирного урегулирования региональных кризисов»².

Следующее заседание Группы состоялось в ноябре 2018 г. в дагестанской Махачкале. В повестке дня этого заседания стоял вопрос о путях противостояния «радикальным тенденциям» в среде молодежи. Участвовавший в работе этого заседания Минниханов предложил для обсуждения «проект создания совместной российско-мусульманской академии будущих лидеров на базе Булгарской исламской академии»³. Речь шла об официально открытом в сентябре 2018 г. в исторической столице Волжской Булгарии спонсируемого государством центра «полного мусульманского религиозного образования», работающего над созданием «суверенной богословской школы» ислама⁴. Приветствуя

¹ Абдулатипов стал постпредом РФ при Организации исламского сотрудничества, 21 декабря 2018. URL: <https://ria.ru/20181221/1548393633.html>.

² В Грозном прошло заседание Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», 17 мая 2017. URL: <https://lezgigazet.ru/archives/1845>.

³ Главы Дагестана и Татарстана приняли участие в заседании Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», 12 ноября 2018. URL: <http://www.rgvktv.ru/obshchestvo/55435>.

⁴ В Татарстане состоялась церемония открытия Булгарской исламской академии, 4 сентября 2017. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2017/09/04/570596>.

встречу в Махачкале, глава внешнеполитического ведомства повторил обычные для российской политической риторики положения: обе стороны привержены «фундаментальным принципам международной жизни», выступая за «уважение самобытности народов мира» и самостоятельного выбора «модели социально-экономического развития»¹.

Важным аспектом деятельности Группы становилось привлечение предпринимательских кругов «мусульманских» регионов. Татарстан претендовал на то, чтобы играть в этой сфере ведущую роль. В декабре 2018 г. «в интересах предложенного Миннихановым “оживления”» деятельности Группы в столице Татарстана был зарегистрирован созданный акционерным обществом «Связьинвестнефтехим» (совет директоров которого возглавляет глава республики) «Фонд стратегического диалога и партнерства с исламским миром» в качестве «технической структуры Группы стратегического видения “Россия – исламский мир”». Деятельность фонда охватывала «три ключевых направления – культурное, экономическое и информационное сближение с восточными странами»².

Ставшие ежегодными встречи в формате «Kazan Summit» также лежали в русле тенденции к углублению отношений с ОИС. Вместе с тем, экономическое взаимодействие России с ОИС все еще не достигло сколько-либо значимого уровня: на форуме в мае 2018 г. было озвучено, что двусторонний товарооборот составил к тому времени лишь около 75 млрд долл., из которых российский экспорт – 58 млрд долл., а импорт из стран ОИС – 17 млрд долл. При этом «в тройку лидеров по сотрудничеству» входили Турция, Индонезия и Казахстан³. Российско-саудовские экономические связи выглядели

¹ Лавров дал высокую оценку работе Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» // *TASS*, 12 ноября 2018. URL: <https://tass.ru/politika/5781879>.

² Финансирование будет по мере необходимости: Минниханов создал фонд для исламского мира // *Бизнес-Online*, 14 декабря 2018. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/406228>.

³ На саммите в Казани обсудили развитие исламского банкинга и товарооборота // *TASS*, 11 мая 2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5193971>.

на этом фоне еще более скромными, – по данным российской статистики, в 2016 году объем двустороннего товарооборота составил 491,7 млн долл. Доля Саудовской Аравии во внешнеторговом обороте России в 2016 г. составила 0,105% (75-е место)¹.

Включение действующих на основе исламских принципов финансовых институтов в российскую экономику представляло собой одно из главных препятствий экономическому взаимодействию России с ОИС. По словам бывшего представителя России при ОИС и нынешнего президента Булгарской исламской академии Исхакова, «банковская система России не настроена на то, чтобы пришла другая – альтернативная – система»². Эта ситуация, как доказывали итоги работы «Kazan Summit» 2018 г., оставалась неизменной. Попытки создать институты исламского банкинга или распространить на Россию деятельность зарубежных исламских банковских учреждений (включая Исламский банк развития ОИС) не увенчались успехом. Если элиты «мусульманских» регионов утверждали, что предпринимательская деятельность мусульман невозможна без развития исламского банкинга, требуя внести коррективы в законодательство, то связанная с существующей в России банковской системой сторона представляла исламский бандинг как вероятный канал финансирования антисистемного подполья.

Заключение

Начавшееся с контактов по чувствительному вопросу внутрироссийской ситуации в 90-е годы и расширившееся до обсуждения глобальных проблем международного положения взаимодействие России и ОИС не было бесконфликтным и равным. Оно продолжает испытывать на себе воздействие множества факторов, в том числе международного характера.

¹ Отношения России и Саудовской Аравии // *TACC*, 4 октября 2017. URL: <http://tass.ru/info/2475421>.

² Камиль Исхаков: Идея создания представительства России при ОИК у Путина возникла в начале 2006 г., 19 июня 2011. URL: <http://www.muslimeco.ru/opubl/134>.

Внутренней тенденцией, влияющей на отношения с ОИС, является стремление российского мусульманского сообщества (представленного как централизованными структурами, так и региональными кругами) быть каналом российско-исламского сотрудничества. Эта, казалось бы, естественная для него роль так и не реализована в полной мере. Среди внешних обстоятельств можно назвать российско-саудовские отношения, которые так и не преодолели разделяющие обе стороны политические разногласия, а также взаимоотношения с другими центрами силы в ОИС, порой существенно расходящимися между собой в отношении оценок региональных проблем (Саудовская Аравия и Иран – наиболее яркие примеры этой «множественности»).

Едва ли когда-то можно будет достигнуть согласованности позиций Москвы и финансового спонсора ОИС Эр-Рияда в отношении роли и места ОИС в современном мире. Саудовская Аравия не считает организацию противостоящей своему «стратегическому партнеру» – Соединенным Штатам, а также их союзникам, подчеркивая ее устремленность к достижению всемирного «сосуществования религий и цивилизаций». Москва же хотела бы видеть в ОИС своего безусловного союзника в борьбе против «навязываемых извне» ценностей и моделей развития. В ходе реализации двустороннего взаимодействия российская сторона будет и в дальнейшем сталкиваться с трудностями, определяемыми различиями в подходах обеих сторон к проблемам современного мира.

Противоречивость российско-исламских отношений в полной мере отражается в том, что Россия не стала полноправным (либо активным, как в случае с ISESCO) участником многочисленных неполитических структур в составе ОИС – экономических, культурных и информационных. Причина этого положения связана, в первую очередь, с настроенностью российского истеблишмента в отношении и самих этих структур, и с возможностью их воздействия на мусульманское сообщество, которое, как это кажется в Москве, могло бы послужить каналом его политизации. В этой связи встает важный вопрос амбивалентности подхода государства

(поддерживаемого РПЦ) к его мусульманским гражданам. С одной стороны, Россия имеет значительный автохтонный исламский социальный сегмент, делающей страну действительно поликультурной, а с другой – на общегосударственном уровне этот сегмент остается в достаточной степени маргинализированным.

Все это ни в коей мере не исключает необходимости взаимодействия Москвы и ОИС. Такая необходимость диктуется тем, что и сама эта организация, и представленные в ней государства – принципиально важные игроки на международной арене. Более того, взаимодействие основывается на взаимных интересах, поскольку государства ОИС (при всей разности подходов к роли России в современном мире) видят в ней державу, во многом определяющую как международную ситуацию, так и положение в регионе, выразителем интересов которого считает себя ОИС. Такой взгляд на Россию – дополнительный стимул, который должен подталкивать ее к углублению уже достигнутого уровня контактов с организацией и странами-членами. Однако для движения в этом направлении Россия нуждается не только в пересмотре подхода к положению своего мусульманского сообщества, но и в расширении прав субъектов федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Визит В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман // *Дипломатический вестник*, № 23/24, декабрь 1994.

Концепция внешней политики Российской Федерации, 23 апреля 1993 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Т. IV. М.: МГИМО(У), 2002.*

Концепция внешней политики Российской Федерации. 10 июля 2000 г. // *Независимая газета*, 11 июля 2000. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.

Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.

Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 [In Russian].

Концепция внешней политики Российской Федерации, 30 ноября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>.

Косач Г.Г. Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция // *Вестник Евразии / Acta Eurasica*, 2000, № 2.

Косач Г.Г. Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015). М.: ИБВ, 2016. 106 с.

Малашенко А.В. Россия и мусульманский мир. М.: Московский центр Карнеги, 2008.

Мальшева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // *Международная жизнь*, № 8, июля 2012 г.

О поездке А.В. Козырева по странам Залива // *Дипломатический вестник*, № 9/10, 15–31 мая 1992.

Поляков К., Хасянов А. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: Эдиториал URSS, 2001.

Поляков К.И. Исламская составляющая процесса формирования российско-саудовских отношений в 90-е годы XX века // *Король-реформатор. Видение российской интеллигенции*. М.: Прогресс, 2002.

Посещение Р.Г. Абдулатиповым Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов // *Дипломатический вестник*, № 4, апрель 2000.

Ражбадинов М.З. Некоторые аспекты российско-саудовских отношений // *Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы*. М.: ИИИИБВ, 2003. 85 с.

Россия – ОИК. Делегация ОИК в России // *Дипломатический вестник*, № 2, февраль 2000.

Россия и Организация Исламская Конференция. Казань: ИВ РАН, СМР, 2008.

Charter of the Organization of Islamic Cooperation. URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf

REFERENCES

Vizit Chernomyrdina v Saudovskuyu Araviyu, Kuwait, OAE, Oman (Chernomyrdin' Visit to Saudi Arabia, Kuwait, UAE, Oman). (1994) *Diplomatičeskij vestnik*, No. 23/24, Dec. [In Russian].

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Conception of the foreign policy of Russian Federation), 23 April 1993. (2002) *Vneshniaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii* (The Foreign Policy and Security of modern Russia). Vol. IV. Moscow, MGIMO (University) [In Russian].

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Conception of the foreign policy of Russian Federation). 10 July 2000. *Nezavisimaya gazeta*, July 2000. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html [In Russian].

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Conception of the foreign policy of Russian Federation). 23 July 2008. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> [In Russian].

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Conception of the foreign policy of Russian Federation). 12 February 2013]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 [In Russian].

Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Conception of the foreign policy of Russian Federation), 30 November 2016. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> [In Russian].

Kosach G.G. (2000) Muftiyat rossiiskogo postsovetskogo regiona: stanovlenie i evolutsiya (A Muftiate of a Russian Post-Soviet Region: The Formation and the Evolution). *Acta Eurasica*, No. 2 [In Russian].

Kosach G.G. (2016) Rossiisko-saudovskiye otnosheniya: policheskiy aspekt (1990–2015) (The Russian-Saudi Relations: political aspect, 1990–2015). Moscow, Institute of the Middle East [In Russian].

Malashenko A.V. (2008) Rossiya i musul'manskiy mir (Russia and Islamic World). Moscow Carnegie Center. [In Russian].

Malysheva D.B. (2012) Monarhii Persidskogo zaliva i "arabskaya vesna" (The Monarchies of the Persian Gulf and the "Arab Spring"). *Mej-dunarodnaya jizn'*, No. 8, July [In Russian].

O poezdke Kozyreva po stranam Zaliva (Kozyrev' Visit to the Gulf States). (1992) *Diplomatičeskij vestnik*, No. 9/10, May 15–31 [In Russian].

Polyakov K., Hasyanov A. (2001) *Arabskiy Vostok i Rossia: problema islamskogo fundamentalizma* (Arab East and Russia: the problem of Islamic Fundamentalism). Moscow, Editorial USSR, [In Russian].

Polyakov K.I. (2002) *Islamskaya sostavliaiushaya protsessa formirovaniya rossiisko-saudovskikh otnoshenii v 90-e gody XX veka* (Islamic component of the process of the Formation of the Russian-Saudi Relations). *Korol'-reformator. Videniye rossiiskoy intelligentsii* (The King-Reformer: The Vision of Russian Intellectuals). Moscow, Progress. [In Russian].

Posecheniye R.G. Abdulatipovym Saudovskoi Aravii i Ob'edinennykh Arabskiy Emiratov. (2000) (Abdulatypov' Visit to Saudi Arabia and UAE). *Diplomaticheskii vestnik*, No. 4, April 2000 [In Russian].

Rajbadinov M.Z. (2003) *Nekotorye aspekty rossiisko-saudovskikh otnoshenij* (Some Aspects of the Russian-Saudi Relations). *Rossiisko-saudovskiye otnosheniya: problemy i perspektivy* (The Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives)]. Moscow, Institute of Israeli and Middle Eastern Studies [In Russian].

Rossiya i Organizatiya Islamskaya Konferentsiya. (2008) (Russia and Organization of Islamic Conference). Kazan, Institute of Oriental Studies of RAS, Council of Russia's Muftis. [In Russian].

Rossiya-OIK. Delegatsiya OIK v Rossii. (2000) (Russia - OIC. The Delegation of OIC in Russia). *Diplomaticheskii vestnik*, No. 2, February [In Russian].

Charter of the Organization of Islamic Cooperation. (2018). URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf.

ОБ АВТОРАХ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «*Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.*», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «*Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)*». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

КОСАЧ Григорий Григорьевич – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «*Красный флаг над Ближним Востоком?*» (2001); «*Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы*» (2009); «*Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «*Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.*» (2013); «*Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.*» (2016).
E-mail: g.kosach@mail.ru

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).
E-mail: alsaraby@ivran.ru

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

СТЮАРТ Филип – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – д.и.н., профессор Кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ВА'ЭЗ Нафисе – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран). E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

ABOUT AUTHORS

DRUGOV Aleksei Yurievich – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

KOSACH Grigory Grigoryevich – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

SARABIEV Aleksei Viktorovich – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valdai Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

SLEDZEVSKY Igor Vasilievich – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

STEWART Philip – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

VAEZ Nafiseh – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

YAKOVLEV Alexander Ivanovich – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ABSTRACTS

Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

Keywords: religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

Keywords: foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

Keywords: Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

Keywords: Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

Keywords: deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

Keywords: Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey

Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

Keywords: interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

Leonid B. Alaev. Was there a community? (Interview)

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

Leonid I. Medvedko. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

Veniamin V. Popov. Eurasian essence of the Russian civilization

Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

Ildar Kh. Minyazhetdinov. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

Sergey L. Kuzmin. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

Elena S. Lepekhova. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

Issue II (2018)

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

Alexander V. Demchenko. Clans in Gaza Strip Politics

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

Ildar Kh. Minyazhetdinov. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

Natalia A. Berenkova. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

Aida A. Simoniya. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

Vera D. Karateyeva. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

Ekaterina A. Zavidovskaia. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

Sergius L. Kuzmin. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

Issue I (2017)

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

Grigory G. Kosach. Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

Elena V. Dunaeva. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

Evgenia S. Yurlova. India. Castes in Politics

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith Relation Issues in Syria

Maria A. Pakhomova. Society, Religious Politics and Islam in China

Vladimir V. Orlov. “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

Abdullah Al-Ahmar (Syria). Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

Алаев Л.Б. А была ли община? (Интервью)

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

Медведко Л.И. Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

Попов В.В. Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А. Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

Лепехова Е.С. Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

Выпуск II (2018)

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

нить событий — канва идей

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

Симония А.А. К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

Каратеева В.Д. Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

Крупным планом

Завидовская Е.А. Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / из источников

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

Выпуск I (2017)

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Орлов В.В. «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Бектимирова Н.Н. Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

Симоня А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).